

К 1319926

ВОЛОГДА · XX ВЕК

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

СТОРОЖЕВОЙ ЛУЧ

«Память сердца»

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ
СТОРОЖЕВОЙ ЛУЧ

СТИХИ

К-УЗ19926

Вологда. 2000

кр+хми

Александр РОМАНОВ

Известный русский поэт Александр Александрович Романов родился в 1930 году в дер. Петряево Сокольского района Вологодской области. Окончил местную школу, затем Вологодский педагогический институт, позднее Высшие литературные курсы в Москве. Автор более двадцати книг стихов и прозы, из которых особо следует отметить книги "Русь уходит в нас", а также том «Избранного», где собраны лучшие стихи поэта за последние 35 лет. "Избранное" ярко показывает силу и глубину таланта А. Романова, ставит его имя в ряд наиболее значительных поэтических имен России. Член Союза писателей с 1959 года, А. А. Романов стоял у истоков создания Вологодской писательской организации. Одиннадцать лет он был ответственным секретарем организации, долгое время входил в приемную комиссию Союза писателей. Именно при А. А. Романове Вологодская писательская организация приобрела тот авторитет, который и сегодня позволяет ее считать одной из ведущих писательских организаций.

В 1999 году Александр Александрович Романов скоропостижно скончался. "Сторожевой луч" — это название книги, которое поэт хотел дать своим стихам, написанным в последние годы в тревожных раздумьях, с горечью и покаянием, с надеждой и верой.

ОКРЫЛЯЮЩИЙ ДУШУ

Разные бывают на земле встречи. Одни ослепят яркостью своею, закружат, удивят, обескуражат. Другие окрылят душу, заставят ее встрепенуться. И ты вдруг поверишь, что земля под ногами не зыбка, что плечи широки, что горы будут сдвинуты. Именно такую веру вселила в меня первая встреча с Александром Романовым.

Счастливой волею судеб в 1972 году очутился я на вологодской земле и сразу же, как свет в окошке утреннем, вспыхнула передо мной романовская улыбка. И первый же разговор был, разумеется, о поэзии.

Примечательно, что уже через какие-то пять минут сердца распахнулись. Я забыл, что сижу в комнате, именуемой писательской организацией, в речах замелькали знакомые имена (у нас оказалось много общих друзей), а главное — почувствовалось то родство душ, которое не нуждается в примеривании, прилаживании, в притирке. Оно, это родство, пробивалось из-под спуда, и с этим уж ничего нельзя было поделаться.

Потом стало понятно, что близость эта не случайна. Очень многое роднило наши биографии. Оба — выходцы из русских северных деревень. Оба — из крестьянско-учительских семей. Оба проводили отцов на фронт и не встретились больше с ними. Оба немало потрудились на газетном поприще.

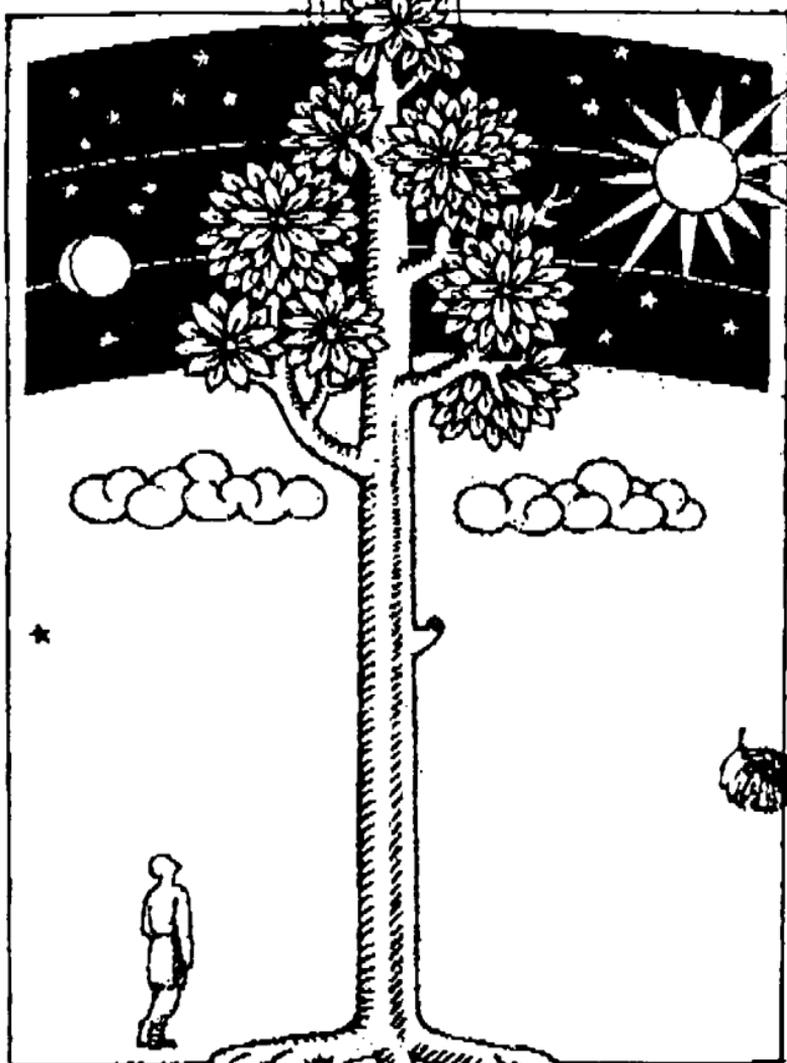
С первых же дней знакомства поразило меня одно удивительное свойство в Саше. Он мог пылко и восторженно радоваться за других. Увы, немногие из нашей братии награждены Богом этим качеством. Потому, быть может, романовские строки так ощутимо и дрожат людей за сердечные струны.

Все он умел, чародей слова. И высветить-возвысить в стихах старый дедовский сеновал, что стоит за селом как памятник прежней жизни, где вершилось многое: и труд, и красота, и верность, и любовь, и где ничего нельзя “зазря трогать”. И воспеть родной язык, перед которым можно разве встать на колени, чтоб по достоинству оценить его живость, точность, величие. И вспомнить Васю Тихомирова, неприкаянного деревенского парня, ставшего вдруг всем родным, потому что выпало ему, безродному и неухоженному, стать мирским защитником от врага. И заговорить с читателем о совести, которая не дает спать по ночам и горит, как сторожевой луч, призванный охранять все сущее на свете.

Александр Александрович Романов больше, чем поэт. Видно, и ему, как пушкинскому пророку, однажды встретился на перепутье тот серафим, что научил “глаголом жечь сердца людей”. Вчитайтесь в его публицистику — и вам нечего будет здесь возразить. И этот жар, этот сердечный накал сочетались с нежнейшим лиризмом, обращенным в сторону друзей и близких, к самым родным его людям: маме, жене, сынам и внукам.

Читатель еще ждет того золотого тома, который способен вместить все, что создал Александр Романов. Пусть эта скромная книга станет лишь первой, начальной каплей памяти о замечательном мастере!

Юрий ЛЕДНЕВ

СТОРОЖЕВОЙ ЛУЧ

Спать не могу. Лежу, расстроюсь.
Недвижна ночь над головой.
И в глубине сознания — совесть,
Как будто луч сторожевой.
Откуда он? В окошках звезды.
Их блеск тревожен и могуч.
Но в этот час, глухой и поздний,
Нет, не от них щемящий луч.
Он жгуч. Он будто откровенье.
Он просекает толщи лет.
И чем обиднее забвенье,
Тем сокрушительнее свет.
Из рваной памяти, из боли,
Из мглы ошибочных дорог,
Из дел, которых не исполнил,
Из слов, каких сказать не смог.
Из полуправды, ставшей в горесть,
Из встреч, растрепанных уже.
Всеочищающая совесть,
Как жизни весть, горит в душе.

* * *

Кругом вода сильна, нетороплива,
Заката краски сдержанно-пестры.
То тут, то там раскидистые ивы
Горят в лучах, как желтые костры.
За ними, как туманные полосы,
Стоят в воде ольховые кусты,
И моются застенчиво березки,
Хотя безукоризненно чисты.

И каждый ствол, и каждый голый кустик
В себе уверен, ждет поры такой,
Когда и он торжественно распустит,
Раскинет зонт зеленый над собой.
...И мы с тобой, товарищ, верим тоже,
Когда вокруг восторженно глядим,
Что лучший день у нас еще не прожит,
Что все-таки он где-то впереди.

СОЛДАТ

В высоком звании солдата
Прошел он до конца войны.
Лицо от пороха шербата
И на руках рубцы видны.

Теперь он стар. В запас не годен.
И оттого, взгрустнув порой,
Он ищет карточку в комодке,
Ту, на которой молодой.

А там, завернуты в бумагу,
Полузабытые лежат
За Бухарест, Берлин и Прагу
Медали, что принес солдат.

И вновь в огне душа солдата.
Стоит, впервые удивлен,
Что пол-Европы смог когда-то
Пройти не кто-нибудь, а он!

РУССКИЕ ДЕРЕВНИ

1

Сколько их на Руси поставлено,
Деревенек и сел бревенчатых,
Подпоясанных палисадами
И рябинами увенчанных!
То речушки со щучьими плёсами,
То леса их к себе привадили
Широко по земле разбросаны,
Словно дети одной матери.
И в озерах ржаных да клеверных
Чередуются, будто пристани.
Еле слышные — ближе к северу,
Ближе к югу — голосистые.
Среди них одинокими вежами
Есть такие, что глаз не радуют.
Пассажиры давно все уехали
И не взяли билеты обратные.
Где они и в какой же гавани,
У каких маяков прописаны?
Смотрят вдаль, за леса, не мигая,
Позабывшие эти пристани.
Между ними, будя минувшее,
Там и тут церквушки на склонах
Кораблями лежат затонувшими
И белеют на дне зеленом.

2

Кто жил в селе, тот знает:
Легко понять без слов
Характеры хозяев
По облику домов.
Гляди — на бабку древнюю
Похожа та изба,

Плывут цветы по дереву —
Старинная резьба.
А вон за палисадом,
От краски полосатом,
Иного склада дом:
С простецким мезонином,
С распахнутым крыльцом.
Стоит и взглядом синим
Он смотрит на друзей,
Как парень в картузе.
...Я с малых лет к деревне
Любовь свою несу
За мудрое терпенье,
За строгую красу.
И за ржаные реки,
За клеверный уют,
За то, что век от века
Здесь мастера живут.
Петряево, Налимья,
Житково, Бор Петров...
То прозвище, то имя
Не тех ли мастеров?
Никто о них не знает,
Они легенд древней
И живы лишь в названьях
Российских деревень.

ПЛЯСКА

И откуда взялась такая!
Только вышла она на круг —
И гармошка ахнула вдруг
И застыла в руках, немая.
Но только — на мгновение.
И, волю дав ладам,

Восторг и удивление
Ей бросила к ногам.
До чего ж стройна,
До чего ж бела,
До чего ж красива!
Ветер в косы заплела
И летит-дробит она.
Загляделось полсела —
Диво!
“Не спою, как соловей,
Спою, как соловьиночка.
У высоких тополей
Послушай, ягодиночка!”
Запоёт — так не случайно:
Каждой песне адрес даст
В каждой песне — сердца тайна,
Разгадайте, кто горазд!
Гармонист, бывалый парень,
Уж на что сердце знаток,
Только шурился, вздыхая,
Разгадать никак не мог,
Для кого поются песни,
Для кого румянец щек?
Может, ей одной известно,
Да известно ли еще?!

КОНСТАНТИН БАТЮШКОВ В ПАРИЖЕ

Как выстрел, грозное известье
Скатилось в утреннюю тишь:
“Вступают русские в Париж!”
И сразу дрогнули предместья.
Сшибались в панике повозки,
Храпели кони на мостах

О боже! За пожар московский
Они Парижу отомстят.
...Полки торжественно входили,
И с высоты лилась, хмельна,
На гренадерские мундиры
Апрельская голубизна.
— Да здесь, ребята, красно лето,
Куда нас, братцы, занесло! —
Шинели бросив на лафеты,
Солдаты шурились тепло.
И в том строю, причастный к славе,
Перехватив ремнями стан,
Летел в седле веселый, бравый
Российской службы капитан.
Он счастлив. Он сейчас не помнит,
Что в Петербурге знаменит,
Что в тишине лицейских комнат
Его певучий стих звенит.
Он просто русский! Он в Париже!
Он из Москвы пришел сюда,
Чтоб нашу речь Париж услышал
И чтоб запомнил навсегда.
Он видел много, понял много
И ничего не позабыл:
Ни бивуаки, ни тревоги,
Ни одиночество могил.
И он гордился, что в Париже,
Наветам гнусным вопреки,
Солдаты наши сердцем выше,
Чем безрассудные враги.
Здесь, перевязывая раны,
Врачуя давнюю тоску,
Солдаты гордо повторяли:
“Мы помним матушку-Москву!”
В толпе мундиров, платьев, фраков
Блистал у парижанок взгляд
От остроумия казаков

И от достоинства солдат.
И он смотрел, как удивленно
Они стояли, закудив,
Перед Трояновой колонной,
Перед решеткой Тюльери!
Он понимал, что здесь впервые
За много лет трудов и битв
Теперь на мир глядит Россия
И на Россию мир глядит.

ТРЕВОГА

Это было в деревне, которой нету,
Но в которую можно взглядеться,
Потому что деревня эта
Называется нашим детством.
Ветры теплые там разносили,
Чтобы людям радостно было,
Вечерами в сумерках синих
Дробный стук золотых молотилок.
И, в кепчонки картошки ранней
Накопав, сухой, розоватой,
За деревней в легком тумане
Веселили костер ребята.
Это было счастьем, пожалуй,
Только кто понимал — едва ли.
И картошины с пылу да жару,
Как мячи, на ладонях летали.
Был один среди нас всех старше,
Всех бойчей — Тихомиров Васька.
Говорили матери наши,
Что дружить с ним надо с опаской.
Без отца, без матери парень,
Без присмотра живет у тетки.

Вот и курит уже недаром,
Вот и шляется, рвет подметки
Называли матери шалым,
Называли его баламутом.
Только Ваську зря обижали —
Это было ох как не мудро.
Васька нас удивлял смекалкой.
Доставал из штанины ножик —
И в ружье превращалась палка,
И в свистки — ивняк придорожный.
А за это ему ребята
Иногда из карманов отцовских,
Как подарок, несли воровато
По одной или две папироски.
Он закуривал, осмотревшись,
И сквозь зубы чиркал красиво.
Снисходительная небрежность
В каждом жесте его сквозила.
Он ходил все в одной рубашке
И в одном пиджаке потертом,
Но зато — всегда нараспашку,
Но зато — перед нами гордо!
А зимой, бывало, в метели,
Нам из дому не отлучиться,
Если мы шарфы не надели
Или шубные рукавицы.
Ну, а Васька даже до школы,
А потом не спеша обратно
Брел за пять километров в холод,
Кулаки в рукава запрятав.
Рукавиц у него не бывало,
А пиджак был слишком коротким.
Ох, не сладко жилось у старой,
У какой-то троюродной тетки
А потом... Не ждали такого —
Вдруг заряды немецкой стали
Где-то ухнули подо Львовом,

А как будто у нас упали.
Сразу выкрик — война! — осколком
По окошкам и здесь шарахнул —
И качнулась деревня с пригорка,
Будто кто ударил с размаху.
И повестки с железным слогом
Полетели из сельсовета.
Мужики по жаркой дороге
Уходили в морозное лето...
От беды увядали краски.
Бабы горестно голосили.
Постарела деревня. И Васька
Раньше времени стал Васильем.
Он мотался с плугом по пашне
И ворочал мешки на севе.
И девчонки, намного старше,
Перед ним, потупясь, краснели.
Он остался парнем последним —
Им под вечер и выйти не с кем.
Только он все чего-то медлил,
Все стеснялся... И вдруг — повестка.
Провожали вечером зимним —
Шли и плакали женщины рядом.
В первый раз вот такое с ними:
Стали все ему матерями!
Запоздавшее чувство горько...
Торопясь, из домов приносили
Самосад, папиросы, махорку —
Мол, бери и кури, Василий.
Он по улице шел, как бывало,
Кулаки в рукава запрятав.
Рукавицы ему совали —
Сколько вдруг! — на меху, на вате.
Что бы сделать еще — не знали
Мы, мальчишки, ватагой спешили.
Он сначала простился с нами,
А потом простился с большими.

Уходил он старинной дорогой
Навсегда — только мы росли бы:
Из деревни она — для многих,
А обратно — лишь для счастливых.
...Вот с приятелем мы в деревне.
Вспоминаем давнее время.
Вдруг заминка, и слышу с болью:
“Тихомиров? Васька? Не помню”...
Умирают солдаты дважды —
От штыка или пули вражьей
И спустя много лет, в грядущем,
От забывчивости живущих.
Только сердце не примирится
И не будет с этим согласно.
Мне которую ночь не спится...
Встань в стихах,
Тихомиров Вася!

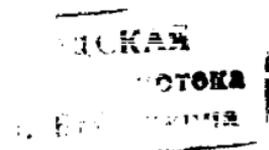
ГАРМОНЬЯ

Василию Белову

Красно застолье
От жарких лиц.
Стулья стонут
От молодиц.
А мой товарищ
Грустит опять:
— Где, не знаешь,
Гармонью взять? —
Гармонью? Сразу
От слов таких
Крикливый праздник
На миг затих.
А ну, хозяйка,

Поуважай:
Сходи узнай-ка
По этажам.
Ох, досталось,
Сбилась с ног.
И вот — как радость
И как упрек
Плывет гармония,
Как ночь черна.
Чуть-чуть затронут —
Вздохнет она.
— А ну, товарищ,—
Все ожили,—
Сыграй. Но знаешь —
Хорошее—
Коснулся ухом —
Прохладен лак.
Запела глухо,
Несмело так
И вдруг как ахнет
Гармония,
Сверкнув мехами,
Как молния.
Заулыбались
Все перед ней:
Все оказались
Из деревень!
Вот это было
Свидание!
В глазах поплыло
Все давнее,
Все первое,
Все розовое,
Все вербное,
Все березовое,
Все скорбное,
Все наивное...

Эх, гармония,
Пой, милая!
С душ неверных
Сбивай-ка спесь:
У нас деревня
У всех — вот здесь!
...В глазах рябило,
Как вновь в избе.
Кому-то было
Не по себе.
А кто-то сдвинул
Стулья вдруг
И, ветром взвитый,—
Как ястреб,— в круг!
Эх, полы, полы,
Нас попомните,
До чего же малы
Нынче комнаты!
И так и сяк,
А потом эдак,
И еще вот так
Напоследок!
Огнем рождена
Наша нация.
А гармонь, она —
Агитация.
Но зови не зови —
Дело зряшное:
Затухает в крови
Все вчерашнее,
Все первое,
Все розовое,
Все вербное,
Все березовое.
А пляшется с жаром,
Так это опять
Худое со старым

Хотим истоптать!
...За окнами — город.
Дома в тени.
Значит, скоро
Взойдут огни,
И в комнате снова
В углу радио
Вспыхнет зеленой
Виноградиной.

ЕНЯ

В рябиновой нашей деревне
Легенды в заулках лежат.
Жил пахарь по прозвищу Еня
Здесь лет полтораста назад.
У старого Ени избушка
Косилась в четыре угла.
Ее называли вползушка —
Настолько низка и мала.
Ударят ли градины хлестко,
Качнет ли поля недород —
Бывало, ему на полоску
Всех более лиха падет.
Все шишки летели на Еню.
Другой бы на месте его
Свалился давно на колени,
А Еня стоит, ничего.
Лишь с горести ковшик в полпуда
Осушит, достанет кисет
И крикнет: “А жить-то не худо,
Добро, что родились на свет”.
...Уж трижды из елок из новых
Рубилась деревня с тех пор.

А Енино это присловье
Нет-нет и влетит в разговор.
Мы знаем: живали сильнее,
Покруче его мужики,
А, на тебе — помнится Еня,
И не было вроде других.
А все объясняется просто:
Такие, как Еня, проста
Веселую искорку бросят —
И светится искорка та.
И мы, не без легкой причуды,
Кидаем веселый ответ:
“А жить-то, ребята, не худо,
Добро, что родились на свет!”

21 июня 1941 года

Зеленое и голубое
Теплом провеяно насквозь.
Исходит светом — глянуть больно
На деревенских крышах тес.
И жизнь обычная, как солнце,
Как небо и трава кругом,
То просверкнет и отзовется
С колодца радостным ведром.
То озарит на миг из кухонь
Улыбкой женской широко,
То опахнет горячим духом
Величественных пирогов,
То рассмешит мальчонкой малым,
Бегущим просто голышом
В траву, в кусты, куда попало —

Везде тепло и хорошо!
И никого, хотя бы смутно,
Не колет в сердце, что идут
Уже особые минуты,
И меньше, меньше тех минут.
А мужики возле колодца
Скликают баб на сенокос
И, ожидая, как ведется,
Толкуют в шутку и всерьез
О молодухках и попутно
О женах собственных, о том...
Но тут последняя минута
Обрушивает черный гром!
Война!.. Мы помним это, помним.
Вот он сейчас передо мной,
Такой доверчивый, зеленый,
Последний день перед войной.
Когда б заране обозначен
Он был, то каждый бы из нас,
Конечно, жил мудрей, иначе,
Чтоб не казниться в горький час.
Увы! Такого не бывало.
И этот день уже давно
Сгорел за красным перевалом,
Но все равно, но все равно,
Лишь календарь приблизит время,
Смотрю: седые старики
Июньским вечером в деревне
Сидят, и взгляды их горьки.
И женщины, седые тоже,
Сойдутся где-нибудь к окну.
Их никому нельзя тревожить
Вот в этот горестный канун.
Я чувствую, как у России
Душа опять напряжена,
И, будто нерв, задетый сильно,
Пронзает мысль: зачем война?..

Зеленое и голубое
Теплом провеяно насквозь,
И так сияют — глянуть больно —
И крыши, и стволы берез.

* * *

Земля отцов и дедов, та земля,
Где кустики ольховые в межполье,
Дала мне все, ничем не обделя:
Ни радостью, ни гордостью, ни болью.

А под ногами глина да песок
Да впережку скудные подзолы.
Но первый для меня ржаной кусок
Вращен на этих пашнях невеселых.

А под окошком серый журавель —
Из всех домашних птицы нет домашней —
Мне доставал, чтоб рос и здоровел,
Воды, бегущей из-под этих пашен.

А надо мной в морщинках потолок,
Как будто материнские ладони,
Чтоб просыпаться я без страха мог
И чтоб навек запомнил все родное...

Без этих ольх, что скромно так цвели,
Без этих глин, что в детстве мы месили,
И без любви к углу такой земли
Откуда взяться и любви к России?

Вот почему березы для меня,
Да и для всех отзывчивых и чутких,
Белеют всюду, словно письма
Далеких предков, свернутые в трубки.

АННА

— Сколько детей-то, Анюшка?

— А семь!

— Вроде бы, Анна, и многовато.

— А белого света хватит всем,

Да и теплее, когда ребята

— Стой же, постой!

— Недосуг сейчас...—

Но покраснелась от разговора.

Анна была, как сказали б у нас,

Будто бы свежая помидора.

Полям пошла, где желтеет стерня,

Лугом, где в грязь стожары увязли,

Долго метался в глазах у меня

И повлажнел платок ее красный.

Вспомнилось детство перед войной:

В каждой избе у нас многолюдство.

Сядем за стол перед чашкой одной —

Ложки, что птицы, дружно несутся.

Мать поутру испечат каравай,

Кликнет, и сыплемся мы спросонья.

Только ломти успевай подавай

С луком зеленым да крупною солью.

Выросли мы на хлебах простых.

Как это было давно и шумно!..

Тихо теперь. Лужайки пусты —

Всю обошел деревню большую.

Странное дело: богаче живем,

А малодетнее стала Россия.

Птичьими кликами, ветром, дождем

Теплая ширь голосила, просила.

Травы вскипали из-под земли,

И шевелилась она, как живая.

В яростной пене реки текли,

Льдинами даль до морей прошибая.

А березняк поднебесье расшил

Тонким, что кружево, белым узором.
Вся эта хмелем повитая ширь
Полнилась зовом, полнилась зовом.
И вспоминалась Анна опять.
Вот она — будто перед глазами,
Русская женщина, добрая мать.
Как хорошо она мне сказала.
— Сколько детей-то, Анюшка?
— А семь!
— Вроде бы, Анна, и многовато.
— А белого света хватит всем,
Да и теплее, когда ребята.

* * *

Умываюсь туманами севера,
Поднимаюсь легко на бугры,
И мне под ноги катятся клевера
Фиолетовые шары.
А заря, словно красная мельница,
Мне опаживает лицо.
Горизонт уплывает и светится,
Как березовое кольцо.
В спелой ржи, будто вытканы, вышиты,—
То возникнут, то пропадут —
Голубеют старинными крышами
Деревеньки и там и тут.
Здесь моя деревянная отчина.
Пусть я житель и городской,
А душе, кроме всякого прочего,
Позарез нужен край такой.
Не из тех я прохожих нечаянных,
Что заглянут на ночь одну
И у вдов, умудренных печальями,
Ищут старую старину.

И хозяйки в домах удивляются:
Было время — просили кусок,
А теперь — то икону, то пряслицу,
То ручного тканья поясок.
И в цене не стоят — лишь скажите им,
Но теряются бабы тут:
Нет цены оценить пережитое,
И задаром все отдают.
Мне ж чего покупать, если родиной,
Стариной ее, новизной
Существо мое переполнено,
Будто небо голубизной.
Все волнует: и травы шумные,
Свет реки и тень камыша.
Здесь опять невольно подумаю:
Что ж такое это — душа?
Не приемник с чувствительной силою,
Чтоб включить и настроить мог,
Не березовый лист, не осиновый,
Не старинный какой кузовок.
А поет, и грустит, и дрожит она,
И я думаю неспроста,
Что душа — глубина пережитого,
Непрожитого высота.

* * *

Сердцу милое навек —
Черный ельник, белый снег.

Из-за ельника красна,
Будто старая сосна
Срезом вниз обращена,
Крупно катится луна.

И навстречу — ни души,
Только тропка шуршит.
Возникает тихо грусть:
Ну, а если заблужусь?

Полосует сразу страх:
Это что же там в кустах?
Что же, что?..
Ах, невдомек —
Это ж тянется дымок!

Грусть пропала.
Страх отлег.
Мир понятен.
Шаг легкий:
Вырастает издалека
Синей
Веточкой дымок.

* * *

За окном всю ночь кипело,
Стих наутро снегопад.
Всюду стаи белых белок
На еловых ветках спят.

А вздохнут во сне деревья,
Белки ухнут с высоты,
Распушив широковейно
Серебристые хвосты.

И в падении истают,
А осыплются вразлет
Лишь морозные кристаллы
Ослепительных высот.

И меня окатит свежесть,
Будто молодости вихрь.
Улыбнусь я и утешусь
В долгих горестях своих.

На себя взгляну иначе,
Подведу в душе черту:
Все, что важно, обозначу,
Что не важно — отмету.

И в игре теней и света,
Как бы ни были близки,
Вспомню тех, кого уж нету,
Здесь впервые без тоски.

Вспомню в первый раз без боли
И почувствую, что сам
Переполнен весь любовью
К людям, к миру, к небесам.

Меж ушедших и живущих
Я — единое звено.
Счастлив я, что в мире сущем
Мне еще любить дано

Снег горит на косогоре,
И прозрачно стынет тишь.
Издали слышен говор
И поскрипыванье лыж.

Жду. Смотрю. Проходят двое
И уводят за собой
Что-то чистое такое,
Будто полдень голубой.

Я шепчу им вслед: счастливо!
И скрываются они.

Плещут солнечные ливни
В потайные две лыжни.

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

(Отрывки из поэмы)

КОЛЕСО РОДСТВА

В нашу речь встает всех проще,
Чтоб родством сердца вязать,
В ряд со строгим словом “теща”
Удалое слово “зять”.
А ведь есть других-то сколько!
Веют древностью глухой
И теплом “свекровь” и “свекор”
Вместе с тихою “снохой”.
Соотносится с доверьем
И участием неспроста
Слово “шурин” к слову “деверь”,
Ибо равные места.
И, придуманные ловко,
Могут впрямь свести с ума
Слово дерзкое “золовка”
С обольстительным “кума”.
И божественно и жарко
Отзывается в душе
Слово доброе “божатка”,
Ныне редкое уже.
Даже тот, кто вовсе дальний,
Уж чужой, был все же чтим.
Привечали, называли:
“Нам он будет по своим”.

Слово каждое светилось
И в достатке, и в нужде:
Колесо родства катилось
По глубокой борозде
Это хаять не годится
Для чужого торжества.
Я и сам, конечно, спица
В колесе того родства.
Поумнев, я точно вызнал,
Отчего я так окреп.
То родство служило в жизни
Для меня, как черный хлеб.

О ВОЙНЕ

Железом дважды я обласкан,
А это стоит что-нибудь,
В плечо попало на гражданской,
А на Отечественной — в грудь.
Когда умрем, в могилах долго
Без тленья будем мы лежать.
Лишь по невынутым осколкам
Пойдет — само собою — ржавь.
Нас крепко жизни обучала
Война — добром не помянуть!
Война — так в грудь свинец сначала,
Потом лишь — золото на грудь.
Да что о том, лишь сердце маять.
А расскажу я о другом,
Как мы со всей округи в мае
Сошлись, солдаты, за столом.
День выпал чистый, но холодный,
И потому сошлись в избе,
Хоть не родня совсем, а вроде
Все — братья кровные тебе.

Смеемся, шутим друг над дружкой:
Ведь живы, хоть и мало нас.
И, как бывало раньше,— кружки,
Стаканы сдвинули зараз.
И потянуло к разговору
Про фронтовую нашу жизнь.
И знаешь, выяснилось вскоре,
Что все фронта в избе сошлись.
Я был на том, сосед — на этом,
А третий бился на другом,
Четвертый — дальше за соседом,
А пятый — на море самом.
Как широка Россия наша.
И в горе, знаешь, как любя!
Лишь за нее нам было страшно,
Совсем не страшно за себя.
Вот потому-то нас и мало...
Налили снова до полна:
За тех, кого недоставало,
Мы опрокинули до дна,
Как будто встали с ними вровень,
И горько было — мочи нет.
Но тут хозяйскою гармонью
Рванул во все меха сосед.
И отошло, и полегчало,
И снова в окна рассвело.
И все задвигали плечами,
Как бы почуяли тепло.
И в круг широкий поманило.
Эх, знаешь ли, как надо жить:
На радость горя половину
Сумей всегда переложить!
И зашатались половицы,
И заскрипели сапоги,
Как будто годиков по тридцать
Смахнули с плеч фронтовики.
Как будто годиков по тридцать,

И все еще у главных дел.
Вдруг слышим: “Колька, Колька, где ты?”
Взглянули: Буков захмелел.
Он до того сидел без звука.
Большой, что угол в том дому,
И видно, брата вспомнил Буков,
И стало брата жаль ему.
Он стол с посудой отодвинул,
В толпе рукой расчистил путь
И разогнул сухую спину —
Все мужики ему по грудь.
Он инвалид, нога не гнется
В колене, ходит — что метет.
А тут, глядим, на пляску рвется
И ногу вытянул вперед.
Все расступились.
Слышим только,
Как он, рубаху теребя,
Кричит одно: “Эх, Колька, Колька!
А я хоть топну за тебя”
И начал топать да кружиться,
Да на одной-то все ноге.
Стонало горе в половицах,
Стонало горе в потолке.
А та, которая не гнется,
Нога торчала, словно жердь.
Смахнул бы все,
Что подвернется,
И было больно нам смотреть.
Ну, а гармонья так играла,
Так пела, чуть ли не рвалась.
И хоть народ сидел бывалый,
Но слезы вышибло из глаз.
Добро, что бабы не видали
Вот что такое, брат, война.
А ты мне — что-то про медали,
А ты мне тут — про ордена.

О ЗЕМЛЕ

Для вас, которые моложе,
Земля — лишь песни да слова.
А для меня — одно и то же,
Что сердце, руки, голова.
Вот так занятно получилось —
За нами вы, ребята, шли
И на своей земле родились,
Но без своей уже земли.
А я к земле приставлен сроду,
К земле, ну, к пахоте самой,
И всю познал ее невзгоду:
Что было с ней, то и со мной.
Я — двух веков крестьянский житель.
И в старом веке я имел
Угодье трав, участок жита,
Ну то есть собственный надел.
И землю эту отдал людям,
В колхоз вступил я с первых дней,
Но было трудно, ох, как трудно
Ее признать опять своей,
Она как будто бы остыла,
Когда пошла под общий плуг.
И стала — что скрывать — постылой,
Ничьей как будто стала вдруг.
Хотя умом-то ведал: наша,
Да вот поди... Лишь не спеша
Я понял, что земля — не пашня,
А что земля — моя душа.
Душа, в нее попробуй вникни,
Коль там межа по-за меже.
Какие есть на свете книги,
Все, до единой, о душе.
Писали люди их веками
И ныне пишут хоть куда,
И все вникают, все вникают —

Не знаю, вникнут ли когда.
А я хоть темен был, но понял,
Что хоть грехи, хоть не грехи,
А начинай устройство поля
С устройства собственной души...
А ведь земля, взгляни-ко,— диво!
К ней прислонись навек душой,
Так и в несчастье ты счастливый,
Так и в беде — ты сам большой.
Вздыхни-ко — так и кормит духом!
Вчера иду — парит везде,
И слышу — пробует Колюха
Свой трактор в свежей борозде.
Колюху я по звуку знаю.
Пусти хоть десять тракторов,
Так я с закрытыми глазами
Скажу, который тут Быстров.
Он звук ведет, как будто пляшет.
Да и плясать, стервец, мастак!
Он генерал лесов и пашен,
И без него теперь — никак.
Он сеет хлеб, картошку садит,
Прет без пути и без дорог...
И на центральную усадьбу
Уж полдеревни уволок.
И мне говаривал зимою:
“Чего живешь к земле впритык?
Давай-ко я тебе устрою
Переселение, старик”.
А я: “Зачем?” Он скалит зубы:
“Да как зачем — чтоб не отстать
И с молодой женою в клубе
Кино глядеть и танцевать”.
— “Но мне и здесь,— твержу,— не скучно.
А у тебя такой напор,
Что свез бы всю Россию в кучу,
А ей ведь надобен простор”.

— “Простору хватит,— он смеется,—
И силы нам не занимать.
Я сам вытягиваю солнце,
Чтоб вам утрами не проспать”.
(И он, хвастун, ответил верно:
В его руках сто лошадей,
И раньше всех встает в деревне,
Да и ложится всех поздней.)
“А ехать ежели не хочешь,—
Он говорит,— живи себе,
И стереги тут пни да кочки,
Да мух дави в своей избе.
А мы наведываться станем...”
Вот вышла в жизни колея.
Последний, может быть, крестьянин
В своей деревне — это я.
Колюха, парень он полезный,
Но вроде как мастеровой:
Не столько в землю, сколь в железо
Пока вникает головой.
А вот ему бы на подмогу,
Чтобы азарт к земле не стих,
Парней толковых бы немного
Да девок, девок молодых,
Чтоб нарожали тут народу
И жили, сердце веселя.
И вот тогда-то новым ходом
Пошла бы матушка-земля.
И мы, взглянув на ваш зажиток,
Смогли спокойно бы сказать,
Что наработались досыта.
И, значит, время умирать.

О СМЕРТИ

А век живу — не надоело,
Хоть было горя и обид...
Смотри — рубаха близко к телу,
А смерть и ближе, может быть.
Страшит ли смерть — тот миг последний,
Который вырвет свет из глаз?
Нет! А страшит всегда предсмертье,
Что на земле не будет нас.
И лишь покаяться возможно —
Поправить ничего нельзя
В своих словах, слетавших ложно,
В своих годах, прожитых зря.
Я мыслю так — меня не путай,—
Что человек без всякой лжи
Лишь в те, предсмертные минуты,
И узнает, как надо жить.
Но рассказать уже не может,
Других не может научить.
И тайну с ним на смертном ложе
Погасят черные лучи.
Одно дается нам — как следно
Уйти и свет не заслонить...
Ну вот послушай напоследок
Про Катерину — так и быть.
Она как будто бы с березы
Скатилась в мир и век жила.
И полила ночами слезы —
Вот и лицом была бела.
И то сказать: ее хозяин
Погиб в бою за город Брест.
И Катерину замуж звали —
Всем отказала наотрез.
Свою беду одна бедуя,
Осталась верная себе:
Откуда ветер ни подует,

А все равно — в ее избе.
Но никаких от бабы жалоб
И никакого людям зла.
Иным и нынче не мешало б
Попомнить, как она жила.
И вот когда пошел мутиться
Пред Катериной белый свет,
Примчалась на дом фельдшерица,
А Катерины дома нет.
Ну, где она? Куда пропала?
Искать! (А бабы рвали лен!)
Так отыскиали за снопами:
В руках со льном сидит в наклон.
В себе была. Лишь под глазами
Холодное наволоклось.
“Вот и пора,— она сказала,—
Теперь уж я — ни в сноп, ни в горсть...”
Ну, тихо под руки подняли
И повели. И шла она
В последний раз по травам вялым
С волоткой сорванного льна.
На остановках через силу
Касалась трав и борозды
И баб испуганных просила
Сорвать какие-то цветы.
Но бабы в этих травах жухлых
Цветов увидеть не могли
И поднимали вновь старуху,
Как отрывали от земли.
Она с беспомощным укором
Сквозь них глядела — дрожь брала.
Потом с улыбкою покорной
Неторопливо вновь брела.
Когда дошла до той березы,
Что у ее стоит окна,
Остановилась и бесслезно
Кору погладила она.

И вдруг упала... В дом старуху
Уж заносили на руках.
Шептала, знать, молитву глухо,
Понять пытались, но никак.
А фельдшерица — ясно дело
(Как и в дороге) — вокруг нее.
Вдруг Катерина поглядела —
Из забытья и в забытье —
Так ясно, чисто поглядела,
Да так спокойно, что в избе
Затихли все оторопело,
И стало всем не по себе.
А Катерина фельдшерицу
Чуть отстранила, а потом
Сказала: “Дали бы напиток
С реки...” И сразу ожил дом!
Ведро схватили — и на речку:
Лишь ветром вымело следы,
Лишь дважды звякнуло крылечко —
И вот несут стакан воды.
А речка, знаешь сам, какая:
На дне ее кипят ключи.
Роса дымится на стакане,
А в нем расходятся лучи.
Но руки старые ослабли —
Стакан дрожал, и ей на грудь
Текли, текли большие капли,
Но не давала их стряхнуть.
Пускай текут — полегче телу.
Вздыхнув, откинулась назад
И на простенок посмотрела,
А там на снимке — муж-солдат.
Я знал его. На снимке вышел
Он, будто парень, молодым.
И Катерина еле слышно
Шептала что-то перед ним.
И заревели наши бабы.

Она рукой подозвала:
“Вон там, в шкафу!” — сказала зябло;
В глазах уже скопилась мгла.
Открыли шкаф. А там, как следно,—
Одежды горестный запас.
Сама себе наряд последний
Заране сшила — знала час.
И бабы встали тихо, с краю...
Она, березово-бела,
Вздыхнула тихо: “Умираю...”—
И умерла.

СПАСИБО

Благословенен час меж тьмой и светом!
Проснешься — а в избе еще темно.
Как древняя икона, чуть заметно
Вытаивает синее окно.
За кухонной заборкою сквозь щели
Желтеют блики наподобье свеч.
И слышишь, как спокойно и свяшенно
Хозяйка вновь растапливает печь.
О жизни круг! Воистину чудесно
Гудит в печи березовый огонь,
Вода вскипает, и ложится тесто,
Что в колыбель, с ладони на ладонь.
И ты не спишь, хотя глаза сомкнуты,
Лежишь, как будто в облаке, в тепле
И понимаешь в эти вот минуты,
Как хорошо родиться на земле.
И жить на ней. И верным быть родному
Обычаю, порядку и огню!

Лежишь и улыбаешься сквозь дрему
Хозяйке, утру, будущему дню.
И чувствуешь — опаживает с кухни,
С печной лопаты, с пода самого
Ржаным, горячим, в ноздри бьющим духом:
Явился хлеб — как жизни торжество!
Пора вставать! Уже — гляди-ко — в окнах
Скопилась тихо голубая высь.
И облака, что длинные волокна,
На розовых лучинах подожглись.
Скорей умыться! И горстями шумно
Ты плещешь на себя такой водой,
Что если молод — сразу станешь юный,
А если стар — то сразу молодой.
Потом берешь льняное полотенце,
Беленное на мартовских снегах.
Раз утереться — на день разогреться,
Как будто свежесть подержать в руках.
А на столе в сиянье чистых окон
Лежат, что золотистые круги,
И каравай, с достоинством, высокий,
И перед ним — с начинкой пироги.
Вот чем от горя мы всегда хранимы.
Я, может быть, в глазах того нелеп,
Кто говорит, не хлебом, мол, единым...
Но что без хлеба? Здравствуй, черный хлеб!
Сажусь за стол с хозяевами рядом.
Старик неспешно режет каравай
И на меня глядит хорошим взглядом —
Ешь на здоровье, гостьбу вспоминай.
От них опять я уезжаю в город:
Там ждут дела, товарищи, семья.
Старик грустит: “Приедешь в нам вдругорядь
И не застанешь, может быть, меня”.
— “Ну что ты! — говорю ему.— Ну, полно...”
А он перебивает: “Хошь не хошь,
А срок я чую. Ты меня попомни,

Приди ко мне — услышу, как придешь”.
От этих слов под сердцем зазнобило.
Я говорю, но чувствую опять —
Слова пусты. Они теряют силу,
Когда неправду силишься сказать.
Ну а старик — вот умница — с улыбкой
Перебивает: “Больно не тужи!
Когда приедешь, не печалься шибко,
Иди к Быстрову, славный он мужик.
И встретит, и, куда ты хошь, прокатит.
Ему бы на кабину бубенец!
Что жеребца, пришпоривает трактор,
Смотри, чтоб не пришиб кого, стервец...”
И вновь от сердца отлегло, и надо
Сбираться в путь. Дневник закончен мой —
Открыл его с последним снегопадом,
А закрываю с первой травой.
Перед уходом посидев на лавке,
Застегиваю лямки рюкзака.
“Спасибо”, — низко кланяюсь хозяйке.
“Спасибо”, — обнимаю старика.
Растроганы прощальной минутой,
Они стоят беспомощно в избе
И руку жмут: “Ну, ветерок попутный,
Ну, путь-дорога скатертью тебе...”
Я выбираюсь на проселок древний,
А он пластом чернеет и ползет.
Куда ни гляну — врублены деревни
Сплеча, с размаху в русский горизонт.
Они стоят бесхитростно и просто
И доживают век великий свой.
Деревни — родовые наши гнезда —
Омыты грозовой синевой.
Но сердце ничего не позабыло,
И я поклоном кланяюсь земным
И слово древнерусское “спасибо”
Произношу всем существом своим.

И, сорванное с губ зеленым ветром,
Подхваченное кликом журавлей,
Осыпанное белоцветьем вербным,
Оно летит над родиной моей.
Летит, летит и набирает силу
Других, душе созвучных голосов:
Спасибо, деревянная Россия,
За колыбель,
Науку,
Хлеб
И соль!

ЖЕРЕБЕНОК

Где ивняк и свеж, и звонок
Вдоль озерной синевы,
Там родился жеребенок
В рыжем росплеске травы.
Необсохший, встал и замер.
Встал, дрожа, всего на миг
И огромными глазами
Удивился: как возник?
Головой повел, но тяжесть
Озаренной головы
Покачнула, и, пугаясь,
Он упал в озноб травы.
Мать — натруженная лошадь —
К жеребенку подошла.
Гривку ласковой ероша,
Стала облаком тепла.
Он затих. Лежал послушно
И вдыхал дурман земли.
В дреме остренькие ушки
Трепетали и росли.

А потом, как и вначале,
Вздрыгнул с гривки до хвоста,
И с передних ног, качаясь,
Он на все четыре встал.
Тонконогий, светло-рыжий,
С белым пятнышком во лбу,
Он стоял в траве недвижно:
Не пытал еще судьбу.
Лишь смотрел, смотрел на землю
С изумленной немотой,
И вскипали синь и зелень
В теле радостью тугой.
Слушал птиц и трактор в поле,
Потрясенно замирал,
И поскольку он не помнил —
Ничего совсем не знал.
Ни узды, кнута, ненастья,
Никаких иных времен...
Время всех других прекрасней
То, в котором ты рожден!

* * *

И вот наконец окупались
Тревоги покоем души.
Шары золотые купальниц
Плывут в деревенской тиши.

И я не могу надивиться,
Что даже в такой солнцепек
От свежих купальниц струится
Атласный сырой холодок.

И пахнет в безоблачный полдень
Дождем грозовым и еще...

Ну чем же, ну чем? Ах, припомнил —
Прохладою девичьих щек!

А сердце мгновению радо:
Лишь запах, лишь звук или вид —
И сразу подскажет что надо,
Что было — опять оживит...

В зеленые годы иду я
И вижу чуть-чуть в стороне
Тебя, до того молодую,
Что даже не верится мне.

Ты трогаешь косы смущенно,
И я от смущенья затих.
Пылают от близости щеки,
И свежестью веет от них.

И сердцу не надо иного,
Чем это касанье щеки,
Чем запах дождя грозового,
И луга, и близкой реки...

* * *

Что красноводье, поздняя брусника.
Я в ней корзину грузную топлю.
Грушу от улетающего клика
И сам брожу подобно журавлю.
И мне пора, хоть здесь озера ягод,
Бордовых, прокаленных на росе.
Но все равно их не набрать мне на год.
Пусть же остаются на рассев.
Мне хочется к тебе — в твои печали
И радости — как птицам в синеву.
Любовью это называл вначале,
Теперь любовью трижды назову.

Быть может, поздно прояснилось сердце,
Но в нем одно желание добра.
Вот и бруснике, чтоб красно зардеться,
Необходима поздняя пора.
Зато теперь и сладость в ней, и сила,
И княжеский на мху зеленом вид.
И та роса, что руки мне студила,
Твое лицо бруснично озарит.
Мы не пойдем при встрече за гостями,
А целый вечер просидим одни.
Ты будешь черпать ягоды горстями,
И потекут меж пальцами они.
И каждая-то ягода прошепчет,
И промелькнет в глазах твоих игра,
И подтвердят раскутанные плечи,
Что лучше прежних поздняя пора.

ГОДЫ

Я жил, порой в размахе крут,
Порой в речах не гибок,
И верил: годы подойдут
Без срывов и ошибок.
Я буду мудр, как старый лось,
Который без запинки
Находит, где б ни привелось,
Все выходы-тропинки.
Но годы шли, я замечал,
Что ждать и верить мало,
Что всех желаемых начал
В тебе самом начало.
Что нет такой поры, мил друг,
За перевалом дальним,
В которой ты предстал бы вдруг

Почти что идеальным.
Нам время краткое дано —
Ломай себя и чисти
И в буднях, будто сквозь рядно,
Добудь крупичицы истин...

БАБКИН СЫН

— Как зовут тебя?
— Сережка.
— Ну а чей ты?
— Бабкин сын...—
Петушком кричит гармошка,
И поет в ресницах синь.
Он играет, выгибая
Перья красные мехов.
К старикам, что строят баню,
Вновь идет средь лопухов.
— Э, гляди, пришел помощник,—
Улыбаются они.
— Да носишко-то не морщи,
Кверху, кверху нос тяни!..—
И, оставив пах мохнатый,
Никнут ласкою седин.
— Ну, играть покуда хватит,
Помогай нам, бабкин сын,—
И мальчонка мох подносит,
Да бегом-то, все бегом,
Вытирая с переносья
Бисеринки рукавом.
Хвалят парня, горечь спрятав,
Словно в мох, в пучки бровей:
— Ну, Сережка, ты — старатель,
Будешь плотником, ей-ей! —

Мастера кивают важно
И с оглядкой, без мальчика,
По-мужицки, трехэтажно,
Кроют беглого отца:
— Где-то шляется, кудлатый.
— Ну а мать? — Ох, эта мать,
Тоже бросилась куда-то
Пристань новую искать.
И ни писем, и ни денег.
И живет Сережка тут.
Бабка вырастит, оденет:
Бабке пенсию дают.—
“Что-то будет, что-то будет?”
Выбивают молотки,
Словно тишь глухую будят
На стропилах старики.
Сверху им щемяше видно,
Как, покуда без обид,
Васильково и наивно
Безотцовщина глядит.

* * *

В молчанье я стою один,
Где проходила ты когда-то.
Лишь кисти грузные рябин
Теперь висят краснозакатно.
О чем молчишь — то и твое.
А только выскажешь — чужое.
И как туманы над жнивьем,
Плывет затишье над душою.
Лишь этой истиной жива,
Душа всегда того страшится,
Что сразу выстудят слова
Все то, что пламенем тaitся.

* * *

Уже шуршит на тропке лист опалый.
В лесу, как в жизни, грустно и светло,
И многое, что раньше волновало,
Уплыло, отболело, отошло.
А что осталось? А любовь осталась
Как состоянье жизни. И она
Столь чисто — без соринки — отстоялась,
Что у меня в глазах рассинена.

* * *

Я иду зеленым полднем,
И не молод и не стар.
Добрый чувством переполнен,
Терпеливей к людям стал.
К разным толкам-перетолкам,
К суматохе заводной,
К ссорам, долгим и недолгим,
Даже к глупости самой.
Но печально в близких людях
Видеть в подлинности всей
И пустое честолюбье,
И разгар пустых страстей.
...Ухожу я восвояси,
Бросив лишь с улыбкой взгляд,
“Почему ты рассмеялся?” —
Возмущенно говорят.
Молодые, жизнь в начале —
Не понять им все равно.
Лишь в ответ скажу печально,
Что на них глядеть смешно.
Это все давно я вызнал
И умею сам решить:

Что идет от сути жизни,
Что от мелкости души.
Обостренной стало мненье,
И спокойнее ответ,
И ровней сердцебиенье,
И все горше привкус лет.

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Люблю приехать в августе
В ржаную благодать.
Сказать-услышать “Здравствуйте” —
Как земляков обнять,
Как поклониться родине
И на лицо, на грудь
Росистый куст смородины
Друг другу отряхнуть.
Иду я всюду запросто,
В душе коплю зарю.
И встречные мне: “Здравствуйте”,
Я — то же говорю.
И школьники глазастые,
Путь уступая мне,
Смушенно тянут: “Здравствуйте”,
Я — то же ребятне.
И старцы, уж бесстрастные,
Сидят, глядят на свет.
Я кланяюсь им: “Здравствуйте” —
И слышу их привет...
Люблю приехать в августе,
Да дело ведь не в том.
Всегда здесь слово “Здравствуйте”
Овеяно теплом.
И за века не выстыло

И, вея далью той,
Людей связует исстари
Высокой добротой.
Живите, люди, здравствуйте,
Поменьше только хвастайте,
А крепче государствуйте!

* * *

И было то, и это было...
Да, все бывало на Руси.
Спроси великие могилы
И безымянные спроси.

Читаю древние страницы —
Они теперь мне все нужней —
И вижу лица, лица, лица
Обеспокоенных мужей.

Век золотой, в каком он веке,
В каких же насыпях следы?
Во все века врагов набегу,
И ратоборство, и труды.

И в стольном Киеве когда-то
Не ради княжеской тщеты
Висели в золотой палате
Мечи, шелома и шиты.

И сотни раз всходили травы,
Но средь и нынешней травы,
Как городских твердынь оправы,
Валы и рвы, валы и рвы.

И мировые поединки
Не столь далеких, грозных лет.
На стенах снимки, снимки, снимки —
Окопный след, траншейный след.

Какие были потрясения!
А что там, что там — впереди?
Всем существом — веками всеми —
Ты, русский человек, гляди.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Русский язык! Звонких житниц запас
Собран Владимиром Далем для нас.
Только к его Словарю прикоснусь,
В душу повеет могучая Русь.
Буквы заглавные — что терема.
Говор живой — что держава сама.
Словно в зарницы, в страницы взглядишь —
Даль развернется, откроется высь.
В гнездах, что пчелы, взроятся слова.
Соты медовы. В них мудрость жива.
В пашнях страниц всколыхнется страда.
Каждому слову — своя борозда.
Слово за словом — и слышится речь:
Родину надо крепить и беречь!
Голос за голосом — слышен народ:
Русь не согнется, вовек не умрет!..
...В смутах ли страшных, в нужде ли какой
Эту великую книгу открой...

КРАСНЫЕ ТУЧИ

Люблю, как надвинутся с кручи,
Столкнутся один на один
Грозы темно-синие тучи
И красные тучи рябин.

В кипенье раскатном и грозном
Швыряет разгневанный лес
Охалками крупные гроздьи.
В разломы и окна небес.

Рассеются темные тучи,
А красные, радуя взгляд,
Еще ослепительней, жгуче
От молний упавших горят.

Горят над полями, домами,
Над Русью, опять голубой,
Над нашим крыльцом и над нами,
Все годы над нами с тобой.

Над ранней и поздней любовью,
Над песнями прожитых лет,
Над жизнью, над смертью, над болью,
Над теми, кого уже нет.

* * *

Чу! В сенях материнские шаги...
Прислушиваюсь: тяжелы? Легки?
И если шаг у матери проворен,
Душе тепло, что колосу от зерен.
Без устали до ночи хлопочу:

Жизнь — в полный рост,
Работа — по плечу...
Пока легки у матери шаги,
Не дай споткнуться им.
Обереги!

* * *

Дураки потешили народ,
Хоть того не понимали сами.
И вжигались горькими глазами
В тех, кто их обидно обзовет.
Где-нибудь в деревне на краю,
Не свыкаясь ни с хулой, ни с ложью,
Жили, словно шли по бездорожью,
Каждый на особину свою.
То топорик, то пастуший кнут,
То сума, а то, бывало, дудка,
Одежонка рваная, обувь —
А они пророками идут.
Что ни скажут — все-то напрямки,
Спляшут ли, споют ли — все не к месту.
Ну, толпа и тешится... Известно,
Кой-кому по нраву дураки.
Явятся — гони, хоть не гони,
Сдуру лезут на рожон без страху,
Отдадут последнюю рубаху —
Вот какие были!.. Где ж они?
Умерли в деревне дураки
Или, может быть, переселились —
Только нету их... Скажи на милость,
До чего ж теперь умы крепки!

* * *

Для матери в день рожденья
Раскидисто и светло
Вот это стихотворенье
Черемухой зацвело...
Казалось бы, день заглавный,
Его ли не отмечать!
Но мы — как вино загладить? —
Свою забывали мать.
Она — да напомним разве,
Подскажет разве она?
Ведь столько праздников разных,
И так широка страна.
О, русское бескорыстье,
Безмерная доброта!
Немного великих истин,
Но эта — именно та.
До праздников ли домашних?
Себя позабудь, пока —
У младших — да и у старших —
Одежка еще легка...
За долю, за жизнь такую,
Которую нам принять,
Я руки твои целую,
Моя усталая мать.
Над нами в далях огромных
Немало копится гроз.
Но празднично от черемух
И буднично от берез.

СМОТРЮ ОПЯТЬ...

Смотрю опять, как в синеве дремотной
Окошки проступают все жарчей
И долго наливаются, как соты,
От близкого дыхания печей.

И слышно, как тропа морозно вьется
И как ведро по холоду плывет
Веселое — до самого колодца,
Спокойное — обратно до ворот.

Мать окликает у крыльца кого-то,
Спешит навстречу в тихой полумгле...
Простые, каждодневные заботы
О хлебе, об уюте, о тепле.

И в поисках судьбы, чем эта, ярче
И мудрости, чем эта, поновей
Уходим мы решать свои задачи
От чистых речек и ржаных полей.

И чем смелее мы берем высоты,
Тем баззащитней тянут нас к земле
Простые, каждодневные заботы
О хлебе, об уюте, о тепле.

* * *

Меня, себя заденешь ли —
Вся память в узелках:
Заботы, да безденежье,
Да дети на руках.

Упреки запоздалые,
Ревнивые твои,

Как в поле воды талые,
Кипят поверх любви.

Да, мало было помощи,
Да, было много дел...
А помнишь ли, а помнишь ли,
Как я к тебе летел?

По городу по Вологде
Трескучею зимой
Летел в полночном холоде
В рубашке раздувной.

В одной рубашке ситцевой
Без шапки и пальто.
Не свистнула милиция,
Не задержал никто.

И вот у тихой звонницы,
Где вечность замерла,
Где между звезд покоятся
Седые купола,

Тебя увидел издали,
Как на краю земли.
В печали губы выстыли,
Глаза изнемогли.

И вспыхнул мир заснеженный!
Твой шепот я ловлю:
“Простудишься, ой, бешеный,
Ведь я тебя люблю”.

И загудели медленно.
Как будто спала мгла,
Серебряные, медные
Во мне колокола.

И с поднебесной Вологды
Поплыл венчальный снег.
Мы счастливы, мы молоды,
Мы избраны навек!..

АСЕ

Я тебя окликаю,
Без тебя не могу.
Ты одна вот такая,
Буду в вечном долгу.

Хвастовства не прошала,
Горькой правдой жила.
Все твои обещанья
Обращались в дела.

Лжи вовек не сносила,
Даже маленькой, той,
Что бывает красивой,
А на деле пустой.

Равнодушие ни разу
Не могла оправдать,
Как бы ловко за фразой
Ни пытался скрывать.

Потому-то, бывало,
Тяжело нам жилось.
Потому-то немало
Было пролито слез.

И наивной казалась,
Жалкой, даже смешной,

Но, забыв про усталость,
Шла своею тропой...

Научи меня, слышишь,
Чистоте, прямоте —
Этой, может быть, высшей
На земле правоте!

Чтобы в сердце вот так же
Засияли лучи...
Неужели откажешь?
Научи, научи!..

* * *

Как поредел осенний лес!
В лесу пора лучшая.
Молчанье слушаю здесь,
Себя слушаю.

По веткам солнце потекло,
Блестит, радуясь.
Я вглядываюсь в даль стволов,
В себя вглядываюсь.

Тропинка влажная шуршит,
Шумит листьями.
Смотри-ка: выше всех вершин —
Одна лучистая!

Одна береза выше всех,
Струится золотом вверх,
Стоит — не горбится,
Белая, гордая.

Смеется, шуршит
Каждым листиком...
...Ты в лесу моей души
Такая же чистая.

* * *

Мне опять покой неведом —
Журавли кричат вдали,
Захлебнулись реки небом,
Небом блещут колени.
Сапоги мои мерцают
Тоже в небе до колен.
Голубыми бубенцами
Я пленен — и сладок плен,

...Сердце хочет перемен.

Березняк, еще безлистый,
С изумлением притих
В воркованье, пенье, свисте,
Будто в кольцах золотых.
Он спит и сам же слепнет,
Отрываясь от бугра,
И висит он в ухе неба,
Как серьга из серебра.

...Сердцу хочется добра.

Ветка к ветке, птица к птице,
И зерно летит к зерну.
Тосковать мне и томиться
И тебя искать одну.

Дни бродить, не спать ночами,
Позабыть года свои —
Только было б как вначале,
Ну, откликнись, позови!

...Сердце стонет от любви.

РУССКИЙ СЕВЕР

Только травы на покосах лягут,
Припасай лопату — столько ягод.
А прокатит гром парной грозы —
Той лопатой и грибы грузи.
Это Север. Это русский Север.
Здесь, содвинув домны и поля,
Зреет сталь и зреет рожь и клевер.
Здесь тугая от корней земля.
Ельниками выпилено небо,
И в прохладе белых городов,
Словно весть веков, узорнолепно
Легкое паренье куполов.
Здесь дома, что кружева, воздушны.
Люди — голубой да карий взор —
Простодушны, нет, великодушны,
Как велик за Вологодой простор.
И частушки вяжут поясами,
И по миру катится молва,
Что за вологодскими лесами
Вырастают спелые слова.
В спелом слове — огневая сила.
Взял его — будь к подвигу готов,
Чтобы правда в книге проступила,
Будто соль на спинах земляков,

Будто эти в синих тучах дали,
Где терпеньем, мужеством, трудом
Поколенья землю обживали
И где мы распахнуто живем.

РОДНАЯ МЕСТНОСТЬ

Земли-то, собственно,— кружок,
Обвитый синим лесом.
Река блестит наискосок
Под ивовым навесом.

Деревни тянутся к реке
От ягодной опушки,
И белый камень вдалеке
Разрушенной церквушки...

Всю местность, всех дорог витье
Пройти и дня хватало,
Но наглядеться на нее
И целой жизни мало.

* * *

Пятистенок, снегами зажатый,
Тишины накопил для меня.
Приходите, друзья, приезжайте
Ради светлости дня.

Самовар я поставлю веселый,
Бок бараний с печного огня,

Огурцы золотого засола
Ради светлости дня.

И в сиянии низкого солнца
Мы усядемся, будто родня,
И нальем, что у нас приведется,
Ради светлости дня.

Обнажим затаенные речи,
Суету от стола отстраня,
Чтоб дышалось и чище, и легче
Ради светлости дня.

И в какой-то хорошей печали,
Чтобы высвежить душу до дна,
Может быть, и споем, что певали,
Ради светлости дня.

Стали годы для нас все короче,
Торопливее день ото дня,
Но об этом подумаем молча
Ради светлости дня.

НАД ДВИНИЦЕЙ

Правый берег высок и березов,
Левый берег полог и ольхов.
Правый берег страшится морозов,
Левый берег к морозам готов.
Я стою над родимой Двиницей,
Опечаленный жизнью своей.
Нет, в глазах у меня не двоится —
Ясно вижу течение дней.

Страха нет — лишь великая горечь
Вяжет душу, куда ни пойду.
Вон деревня моя на угоре
Сеет ныне одну лебеду...

РОДИЛСЯ ВНУК

И льется, льется с крыши дождь.
Который день я это слышу!
И там, где сухо, где не ждешь,
Он пришибает нашу крышу.
И ветер, стужей леденя,
В пазы, в углы свистки вбивает.
И сердцем чую: у меня,
Как в окнах свет, жизнь убывает.
Тревожны совести суды.
Казнюсь в десятый раз и сотый:
Не оценил твои труды,
Не обогрел твои заботы
Стучится мокрый почтальон.
Откуда он в ненастье это?
Твое письмо вручает он,
Как ожидаемое лето.
Родился внук! Родился внук! —
Твои слова от спешки кратки,
Но разомкнулся жизни круг —
И в мире новые порядки.
И взгляд свежит такая рань,
Такая даль, что нет и следу.
Так лейся, дождь, и барабань —
Встаю и в будущее еду.

ЗАСТОЛЬЕ

Прабабушка, да бабушка, да внучка
Сидят среди застолья одного.
И самовар, как золотая тучка,
Плывет поверх столетия всего.
Столетие — да это наши лица!
Одно потускло в долгой худобе,
А улыбнется — будто прослезится
И вновь замкнется пасмурно в себе.
Другое, освеженное загаром
И чуть помолодевшее с утра,
Прояснено в тиши и в доме старом
Тревожным пониманием добра.
А рядом с ними — о, лицо младенца!
В глазах огромных можно наяву,
Век провожая, сердцем отогреться
И дней иных увидеть синеву.
Дитя смеется, розовеет, веет
И солнышком, и небом, и травой,
И ничего пока не понимает,
В каком столетье крутит головой.
Прабабушка задумчиво взирает,
И не скрывает бабушка тревог,
А внучка веселится да играет
Да уплетает праздничный пирог.
И тянется то к пасмурному лику,
То к тихому усталому лицу...
Двадцатый век, и грозный, и великий,
Вот и в застолье движется к концу.

МОЛОДОМУ ЗЕМЛЯКУ

А кругом — леса, леса.
Солнце как горошина.
Будто жизнь и доля вся
Хвоей огорожена.
У тебя в душе тоска
Тяжелее волока.
У тебя в глазах — Москва,
Ну, хотя бы — Вологда.
Неужели здешних мест
Слава так уронена,
Что скорей, скорей — в отъезд,
Не мила и родина!
Только в чем ее вина?
В том ли, что нелюдная,
Бездорожная она,
На подъемы трудная?
Иль что памятью горька,
Ивняками устлана,
Деревянная пока,
Тихая да грустная?..
Что ж, когда ее не жаль,
Для работ просторную,—
И катись, и поезжай
На чужую сторону.
Позовем потом сюда
Пахарей из Грузии,
Чтобы лес да лебеда
Пашню не заузили.
И тогда в иной тоске,
С думой озабоченной
Станешь бредить вдальке
Брошенной отчиной.
Для нее не тратил сил,
С ней в нужде не выстоял,
Подвиг свой не совершил,
Может быть, единственный.

ПРОЩАНИЕ С МАТЕРЬЮ

1

Нам трудно было расставаться.
Понять бы мне и погодить:
Ведь тяжелее оставаться,
Чем, вскинув ношу, уходить.
Я думал: мать еще здорова,
А сам невольно уносил
Из-под родительского крова
Тепло ее последних сил.
Я уносил ее наказания,
Ее рассказы про жительство,
Но унести не смог ни разу
Лишь одиночество ее.
И вновь она рукой чертила
Знак подорожный мне вослед,
Чтоб упасла благая сила
Меня от горестей и бед.
Она — фуфаечка внакидку —
Вновь провожала до угла.
Держась рукою за калитку,
Теряла все, что берегла.
И вот уж поле между нами...
И может, мой поспешный след
В глазах ее поплыл слезами
И опрокинул белый свет.

2

В больнице слабыми устами
С трудом вышептывала мать:
“Прости меня... Я жить устала.
Устала ждать и провожать”.
На свете нет больней и горше
Бессилья: матери — невмочь,

И нечем, нечем, нечем больше
Ни обнадежить, ни помочь.
Целую мать, дышу над нею,
И веют в душу, как трава,—
“Живите, милые, дружнее” —
Ее последние слова.

3

И прервалось биенье пульса.
Она скончалась. Мир вокруг,
Нет, не перевернулся,
А потемнел и сжался вдруг.
Губ не разжать — слова фальшивы.
Им не вместить ни жизнь, ни смерть.
Но это боль!.. Покуда живы,
Лишь ей в душе не замереть.
О, как бы надо жить иначе —
В кругу семьи, в кругу родни!
Стоим над матерью и плачем,
Как в пустоте, совсем одни.

4

На кухню, в мрак печной заслонки,
Метнуло солнышко лучи.
Но этот звон призывно тонкий
Угас в нетопленной печи.
Приподнялось над лесом солнце
И заглянуло в огород.
Где овощ зрел — мокрец пасется,
Где злак возрастал — крапива прет.
Взлетело солнце в глубь вселенной,
Лучи скосило в дальний дом.
Где самовар кипел семейный,
Там стынет сумрак за столом.
И, не найдя нигде хозяйки,

Его встречавшей целый век,
Склонилось в хвойные закрайки,
И долго свет багровый мерк...

5

Жизнь у нее переломилась
Еще в войну. Да так остро,
Что в горе будто затворилась,
Ушла в суровое вдовство.
И отдала всю участь дому,
А сыновьям — любовь свою,
А силу — полюшку родному,
А верность — павшему в бою.
Тоску, отчаянье, обиды...
Попробуй в сердце пережечь...
Глядит с портрета муж убитый
На лик жены в мерцанье свеч.

6

И шли они со всей округи
С уставом — свычаем своим,
Ее товарки и подруги
Первоначальных лет и зим.
О, ими пройденные дали —
Как пламень, скрытый под золой!..
В единоличниках живали,
Потом — меж небом и землей.
Шли в хутора, вступали в ТОЗы,
Катились в глуби лесосек,
Прошли колхозы и совхозы,
И это все — за бабий век!
Они без слов всех лучше знали,
Как Александра прожила,
Какие вынесла печали,
Какую ношу пронесла.

И вот сошлись в ряду почетном
Мать проводить в последний путь,
Как чашей, горестным причетом
Всю жизнь былую зачерпнуть.
В оцепенении едином
Они сбивались в полукруг.
Белели смятые седины
В объёмах тяжких темных рук.
И, выходя с иконой древней,
Сказав последнее “прости”,
Склонились бабы вдоль деревни,
Концы платков зажав в горсти.

7

Проселок, вязкий до суглинка,
Тянулся, видимый окрест,
Как будто горькая морщинка,
По косогорам милых мест.
И подступали к придорожью,
К печали медленных колес
Поля с нахмуренною рожью
И белым трепетом берез.
А в синеве речных излуцин,
То далеки, то вновь близки,
Кипели ветрено, плакуче
Встревоженные ивняки.
И плыли изгороди елок
И голубой, как сон, ленок...
Всю красоту земли проселок
Связал в один живой венок.

8

Просила мать, когда уж меркли
Ее мучительные дни:
“Сынок, меня у старой церкви,

На бережку, похорони...”
И вот он — храм, давно разбитый.
Как будто враг здесь проходил.
Томится дух глухой обидой
У прародительских могил.
На них бурьян разруху горбит
И безрассудством леденит.
О, жгуч и горек в личной скорби
Вот этот наш всеобщий стыд!

9

Прощай, родная! Пред тобою
Мы на обрывистом краю.
Тебя целую, чуем болью,
Как тайну тайн, и смерть свою.
Прощай! Охватывает стужей
От стука комьев и лопат.
Но страшный стук все глуше, глуше,
Все звонче ласточки летят.
Прощай! В цветах твоя могила
У древнерусского села.
Земля, которую любила,
Тебя навеки обняла.

10

Заглянет в сны, встревожит совесть,
Мелькнет в полях, как наяву.
Она везде, куда ни тронусь,
Она — во всем, чем я живу.
Умом немного изведав,
Она в душе своей несла
И строгость дедовских заветов,
И древний смысл добра и зла.
Своей и радостью, и грустью,
И глубиной семейных уз

Она сближала с новой Русью
И ту, в далеких звонах, Русь.

11

Возьму ли серп с насечкой ржавой —
Молниеносный полукруг —
В лицо пахнет ячменным жаром
И силой материнских рук.
Возьму ли косу с размахом хватким —
И мать представлю молодой,
А на янтарной рукоятке
Ее почувствую ладонь.
Возьму ли утром полотенце —
Таких узоров в мире нет!
И обольется светом сердце,
И это — материнский свет.

* * *

Распахнул весеннее окошко
В лепет листьев, в теплую струю.
Солнышко погладило ладошкой
Снеговую голову мою.

Ожил я от золотистой ласки,
Будто годы жизни превозмог
И бегу опять в луга, в подпаски,
Будто вновь я звонкий паренек.

Так легко мне! Жизнь еще в начале!
Но внезапно обожгла тоска:
Люди паренька не замечают —
Видят лишь седого старика.

И напрасно мучиться обидой,
Что в сиянье молодого дня
Я бреду, как всеми позабытый,
Будто нет и не было меня.

* * *

Как мало все-таки ценим
Простого дружества круг
С непринужденностью мнений,
С веселым пожатьем рук
Без всякого величанья,
Не вспоминая услуг,
С беседой за чашкой чая,
А то с неурядицей вдруг.
Как мало все-таки знаем
О тех, кто рядом живет,
Бок о бок проходит с нами
С усталостью от забот,
Кто, может быть, ждет совета,
Участья, поддержки ждет.
Но мы того не заметим
И мимо пройдем вперед.
Как мало все-таки видим
Певучую красоту
В траве, в ветвах перевитых
И в капельке на лету,
И в лютиках, нам привычных,
Что у дороги растут,
И в серой какой-то птичке,
Срезающей высоту...
Но вот зазнобил меня ужас:
Упал и не встал мой друг.
И понял я, содрогнувшись,
Как дорого все вокруг.

* * *

Скончался человек,
Простой крестьянин.
Не раз бывал за век
Делами славен.
На кладбище сошлись
И на поминки.
И снова жизнь — как жизнь
И нет заминки.
Лишь тропка до конца
Заиндевела.
Лопата у крыльца
Стоит без дела.
Лишь только черный кот
След обозначит,
Сидит у двери, ждет,
Как будто плачет.
Но безответен дом.
И снег уныло
Летит... А в остальном
Все так, как было.

* * *

Брату Леве

Заря над лесом, и заря в печи.
И мать в мерцанье зорь... Вот радость утра!
И в ум нейдет и в сердце не стучит,
Что эта радость, боже мой, минутна.

Лишь в суете забудься, закрутись —
Так поминутно промелькнет и жизнь.

Спохватишься тепло ее сберечь,
Да где там!.. И затужишь поневоле:
Сгорели зори. Протопилась печь.
И мать ушла. И не увидишь боле.

* * *

В родной избе, под теплым боком печи
Мне спится так, как не спалось давно.
Уму раздольней здесь и сердцу легче,
И дождиком завешено окно.

Но мир не скрыт за скудными лесами,
Но мир безумный — он, чужой, и здесь.
Орет с протенка злыми голосами,
Плетет обман и набивает спесь.

И что в нас за доверчивость такая?
Ведь столько претерпели мы в судьбе,
А этим вражьем толкам потакая,
Вновь забываем о самих себе...

Как бесий хвост, как свищ змееподобный,
Шнур из розетки вырву и вздохну:
Вот, наконец, я человек свободный —
Не в телео, не в радиоплену!

И счастлив тем, что на разломе страшном
Есть у меня в тылу — в краю родном
Не особняк, не крепость и не башня,
А златостенный деревенский дом.

* * *

Александру Хазову

Жизнь извелась на родине моей.
Одни надежды остаются стары.
Березы у заброшенных полей
Кипят, как золотые самовары.

Прилягу на душистый бережок,
На солнцепек, на ветерок прилягу.
Всю жизнь в дороге, а никто не мог
Во мне признать страдальца и бродягу.

Никто не видел обжигавших слез.
Я лишь поклоны оставлял на память
И боль свою от родины унес,
Чтоб ей своих печалей не прибавить.

А в смертный час, наверно, оглянусь:
У дней минувших человечьи лица.
Глаза, глаза... И в них страдает Русь.
Нам надо жить! Нам некого страшиться!

ГЕРАСИМ

Изначальная Вологда
Над рекою выросла.
Из секиры и молота,
Топора и весла.
У монаха Герасима
Крест потел на груди:
Что ни ель, то орясина —
В небо храм возводи!

Он с мужицкой упрямостью
Выбивался из сил
И с молитвенной радостью
Подвиг свой завершил.
Вот по зареву красному
Выплыл с церковки звон.
Шли молиться к Герасиму
Люди с разных сторон.
Осеньял их двуперстием
И молиться учил.
И в оконца божественно
Проливались лучи.
Стихли черти и лешие,
Освятились пути.
По всему побережью
Стали избы расти...
Так и ширилась смолоду
Над рекой слобода,
Чтобы вырасти в Вологду
Для молитв и труда.
Грозный царь, озабоченный
Смутой в стольной Москве,
Здесь царевою вотчиной
Бредил в грозной тоске.
И собор пятикупольный
Засиял в облаках...
Здесь, никем не подкупленный,
Жил Герасим-монах...
Мы не ценим прекрасное,
Что до нас свершено,
И о мудром Герасиме
Позабыли давно.
Жизнь не помня бывалую,
Нам и правды не знать...
Хоть бы улочку малую
В честь монаха назвать.

МЫ ЖИЛИ ТАК...

*О нас на родине далекой
Синий бор звенит своей кольчугой*

Николай Клюев

О нас на родине далекой,
Увы, ничто не прозвенит.
Наш путь зарос глухой осокой
И корневищами ракиит.
Что ж, мы беспамяත්ства достойны:
Весь век боролись и дрались.
Мы в революции и войны
Спалили радостную жизнь.
Мы жили так, что вспомнить страшно...
В потомках, может быть, не раз
Еще мелькнут обличья наши,
Но уж никто не вспомнит нас.

* * *

Вот чудо жизни: в перемене дней,
Когда клубится молодая зелень,
В нас горести утишатся быстрее
И радости пробудятся яснее.

Но вот беда: мы все превозмогли,
Самих себя в тоске перебороли.
Не стыдно ль нам, что от родной земли
Мы отшатнулись, как от горькой боли.

СКОРБИ

Котомку тяжелую взгорбив,
Бреду в сокровенном краю.
Развей, моя Родина, скорби,
Упавшие в душу мою.
Но тщетно: от солнечных взгорий,
От древних кормильцев-полей
Исходит нежданное горе
Для нас, молчаливых людей.
Не паханы лучшие земли,
Не кошены рек берега...
Мы — что же? Совсем очумели
Иль Родина не дорога?
Она лебедой зарастает,
Крапива гуляет по ней.
И прочь журавлиная стая
Летит с одичалых полей...
Иль мы этой доли достойны,
Иль нет в нас заботливых сил?
Чу!.. Слышатся горькие стоны
Из старых крестьянских могил.

ТРАВА ОДИЧАНЬЯ

*...И Русь избяная — несметный обоз! —
Вспарит на распутье зывающих гроз...*

Николай Клюев. 1916 г.

Трава одичанья — багула
Бредет по родимой Руси,
Так прет, что и небо прогнула,
Не свалишь — коси, не коси.
Здесь жили крестьяне когда-то,

И вот — ни кола, ни двора...
И ныне цветут лишь закаты,
Где прежде цвели клевера.
О Русь, ты пахала, косила,
Крепила крестьянскую сыть,
Да всевавилонская сила
Смогла и тебя подкосить.
Лишь в память о людях упорных,
Державших мужицкий зарок,
Вскраснеет порой на угорах,
Как сказка о них, клеверок.

КАМНИ

О Русь! Ты трудилась прилежно,
Распашку вела все вольней.
Лишь камни, как хмурые лежни.
Мертвели у шумных полей.
А ныне? И больно, и страшно
Взглянуть на поруганный труд.
Лишь камни, как хмурые стражи,
У мертвых околиц живут.

КАК ВО СНЕ...

Тридцать соток земли
Средь огромной России...
Их метели скребли,
Их дожди возносили.
Где и сила бралась,
Если экая малость!

Вся крестьянская власть
В тридцать соток сжималась.
Старый дом со двором,
Клин картошки да гряды,
Да рябина кругом
Для минутной отрады.
Тридцать соток земли...
Их, родных, нам хватало,
Чтобы выжить могли.
Разве этого мало?
А народ все скудел,
Как во сне онемелом.
В тридцать соток надел
Становился уделом.
Что ж ты, милая мать,
Смотришь в землю устало?
Чтоб тоску закопать,
Разве этого мало?..
И дивлюсь я теперь,
Глядя в страшные дали,
Как, не числа потерь,
Мы тогда устояли?
Как же нам, черт возьми,
Сил и духа хватало
Оставаться людьми?
Разве этого мало?

* * *

Стою, таращусь: дым над крышей!
Дым из трубы, про дым забывшей,
Клубится призраком седым —
То ль скоморохом, то ли лешим,
А то ль каким бродягой здешним,

Саморастратившимся в дым.
Я обомлел: за первым дымом
Второй и третий по-над тыном,
Как будто вьют к домам тропу.
Прочь, паутина, мрак запечный,
Безделье, пьянь и путь увечный,
Все это — в пламя, в дым, в трубу!
Жизнь закипает многоверстно,
И на дымах вороны гнезда
Из труб взлетают в синеву.
Я, наконец, до правды дожил!..
И плачу с радости... Но, Боже,
Ведь это я во сне реву...

ВАЛУНЫ

На месте русской деревни
Сиротствуют валуны.
Под ними прошлое дремлет
И судьбы погребены.

Ползет лишаями зелень
На них с горевой тропы.
В них слезы окаменели
И выпятились горбы...

КОМУ ЖЕ?..

Молодые леса над полями
Совершают медлительный труд.
В неподвижности, видимой нами,
В новый век незаметно бредут.

А поля все печальней и уже,
И не рыщет в них тракторный плуг.
Озверела трава... И кому же
Разрывать этот горестный круг?..

* * *

Весна вот-вот и разольется,
Зазеленеет, а пока
Дома зажмурились от солнца
И греют старые бока.

Хозяев выветрило время
Из них, и долгая зима,
Перед весной стервенея,
Забилась наглухо в дома.

Смигнув капель, они слезятся
И в настороженную тишь
Оплывший снег, как мокрых зайцев,
Вздыхая, стряхивают с крыш.

Недоуменья не осия,
Кричат молчанием своим:
“А здесь-то разве не Россия,
А мы-то здесь зачем стоим?..”

О, РУСЬ!..

Охамив, извратив, исковеркав
Путь и славу в славянской судьбе,
Все злодеяния двадцатого века
Прокатились, о, Русь, по тебе.

Положила великие силы,
А к добру ль эта бездна потерь!
Прежде рабством тебя поносили,
И холопством поносят теперь.

Даже имя твое отнимали,
Чтоб не пело на картах земли.
Лишь преданья да гордые дали
Для потомства его сберегли.

Ты сразила несметные орды,
Налетавшие с воем из тьмы.
Предки были оседлы и горды...
Ну, а мы? Разве русские мы?

Разбрелись, раскатились, распались,
Растрясли всероссийскую честь...
Где же ты, наша мудрость и ярость,
Чтоб опомниться: русские есть!

* * *

Что мы в злобе себя расточаем?
Край родной, поглядите, зачах.
Если б золотом было молчанье,
Нам давно бы ходить в богачах.

Ну, а мы стали нищи и наги
При великом богатстве своем.
Нет сил, что ли, в нас для отваги
Иль не знаем, куда мы идем?

* * *

Наша участь еще не отпета,
Хоть грешны, на подъем тяжелы.
Купола православного света
Проступают из дьявольской мглы.

И крылами небесные птицы
С них сметают метельную стынь
Глянь — и звонницы крест золотится.
Розовеют собора кресты...

Что стоишь ты?..

ПОЭТ

Любовь, беду, тревогу
Переплавляя в стих,
Поэт всех ближе к Богу
В страданиях своих.
Он помощи не просит
И подкуп не берет.
На суд людской выносит
Пророческий исход.

И власти не страшится,
Пусть сердцу тяжело;
Он смотрит прямо в лица
И обличает зло.

Но речь его все тише,
Все горше оттого,
Что люди и не слышат
Страдальца своего...

* * *

Первых весен побережье
Будто в дымке голубой.
Там румянцем детским брезжит,
Там глядит из сказок прежних
Робко первая любовь.

Робкий взгляд взойдет очами
Над дорогою любой —
Мир предстанет изначально,
Вспыхнет радугой венчальной,
В песню сложится любовь.

Стает радуга, а солнце
Утвердится над судьбой.
Чистым плеском из колодца,
Детским криком обернется,
В праздник вырастет любовь.

Грянут грозы и утраты,
И к сердцам подступит боль —
Слезы высушит утрами,
Словом скажется отрадным
И разделит хлеб любовь.

Зим последних побережье
Издалека студит кровь.
Но таит тепло, как прежде,
Но глядит с дороги снежной
Снова сказкою любовь...

Крепок духом тот, кто любит,
Встретив жизни круговерть.
Ведь не зря сказали люди:
Лишь один соперник лютый
У любви на свете — смерть.

Лишь любовь, сердец касаясь,
Свет возносит красоты,
Лишь она — теще на зависть,
Светит прелестью красавиц
Сквозь обычные черты.

И великим жизнетворцем,
Не давая в грязь упасть,
Сквозь соблазны мира рвется
Страсть, пронизанная солнцем,—
Возвышающая страсть!

* * *

Родные пашни утешают
Вспоминаньем прошлых лет.
Они неволью воскрешают
Далеких лет счастливый свет.

* * *

Ловлю с тревогой знобкий промельк дней,
Как будто голос смутной укоризны
Звучит в душе с годами все сильней.
Не думал я, что на исходе жизни
Тревожить душу будет все больней —
Скажу старинно — голос укоризны
За пустоту прожитых раньше дней.

* * *

— У вас три сына?
— Да, три сына.
— О, трижды жизнь удлинена!
Я верил. Верила жена.
Минула жизни половина,
И стало ясно: жизнь одна.

* * *

Нет, я родину не кину,
В своем сердце сберегу.
И уйду в родную глину
На церковном берегу.

СОДЕРЖАНИЕ

Окрыляющий душу. Предисловие Ю. Леднева	3
Сторожевой луч	6
«Кругом вода сильна, нетороплива»	6
Соддат	7
Русские деревни	8
Пляска	9
Константин Батюшков в Париже	10
Тревога	12
Гармония	15
Еня	18
21 июня 1941 года	19
«Земля отцов и дедов, та земля»	21
Анна	22
«Умываюсь туманами севера»	23
«Сердцу милое навек»	24
«За окном всю ночь кипело»	25
Черный хлеб (Отрывки из поэмы)	27
Жеребенок	40
«И вот наконец окупались»	41
«Что красноводье, поздняя брусника»	42
Годы	43
Бабкин сын	44
«В молчанье я стою один»	45
«Уже шуршит на тропке лист опалый»	46
«Я иду зеленым полднем»	46
Здравствуйте!	47
«И было то, и это было»	48
Русский язык	49
Красные тучи	50
«Чу! В сенях материнские шаги»	50
«Дураки потешили народ»	51
«Для матери в день рожденья»	52
Смотрю опять... ..	53
«Меня, себя заденешь ли»	53
Асе	55
«Как поредел осенний лес!..»	56
«Мне опять покой неведом»	57
Русский Север	58
Родная местность	59
«Пятистенок, снегами зажатый»	59

Над Двиницей	60
Родился внук	61
Застолье	62
Молодому земляку	63
Прощание с матерью	64
«Распахнул весеннее окошко»	69
«Как мало все-таки ценим»	70
«Скончался человек»	71
«Заря над лесом, и заря в печи»	71
«В родной избе...»	72
«Жизнь извелась на родине моей»	73
Герасим	73
Мы жили так... ..	75
«Вот чудо жизни»	75
Скорби	76
Трава одичанья	76
Камни	77
Как во сне... ..	77
«Стою, тарашусь»	78
Валуны	79
Кому же?.. ..	79
«Весна вот-вот и разольется»	80
О, Русь!.. ..	80
«Что мы в злобе себя расточаем?..»	81
«Наша участь еще не отпета»	82
Поэт	82
«Первых весен побережье»	83
«Родные пашни утешают»	84
«Ловлю с тревогой...»	84
«У вас три сына?..»	85
«Нет, я родину не кину»	85

*Издание подготовлено к печати
при поддержке Администрации
Вологодской области*

РОМАНОВ Александр Александрович

СТОРОЖЕВОЙ ЛУЧ

СТИХИ

Редактор *А. А. Цыганов*
Художник *Э. В. Фролов*

Сдано в набор 28.09.2000 г. Подписано к печати 1.12.2000 г. Формат 70х108/32.
Бумага писчая. Гарнитура "Таймс". Усл. печ. л. 3,85. Тираж 999. Заказ 3547.

Вологодская писательская организация.
160035, г. Вологда, ул. Ленина, 2.
ПФ "Полиграфист", 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

20 р.

Меж взглядов и чуждых, и наглых
Распахнуто, весь на виду
Иду, не печалюсь о благах,
С достоинством русским иду.

Мне трудно, мне горько — не скрою,
Но совестью не поступлюсь.
Не рвусь в показательные герои,
А просто тревожусь за Русь.

«ВОЛОГДА • XX ВЕК»

Александр РОМАНОВ

«СТОРОЖЕВОЙ ЛУЧ»

ВОЛОГДА • 2000